

Весьма важным показателем признания законодательством Юстиниана реального факта существования личной собственности у рабов является изменение законодательных предписаний VI в., по сравнению с периодом Римской империи, относительно завещания раба. В Римской империи раб не мог ни завещать, ни получить что-либо по завещанию. Исключение делалось лишь для государственных рабов, которым разрешалось посредством завещания распоряжаться половиной своего имущества¹²¹. Если рабу было завещано господином имущество до его отпуска на свободу, то завещание аннулировалось, даже если наследники умершего хозяина отпускали раба на волю¹²².

В 531 г. Юстинианом было издано особое предписание, являвшееся важным нововведением: если господин завещал своему рабу какое-либо имущество, то тем самым сам он отпускал данного раба на свободу¹²³. Правда, это постановление касалось только своих, а не чужих рабов. Если раб получал по завещанию какое-либо имущество не от своего хозяина, а от чужого, этот акт не делал раба свободным. Более того, завещанное рабу чужим господином имущество переходило к хозяину раба. Если раб находился в коллективной собственности нескольких господ, то самому рабу предоставлялась возможность указать, на чье имя должно быть передано полученное им по завещанию имущество.

Таким образом, законодательство Юстиниана признавало право раба получить от своего господина имущество по завещанию.

Согласно предписанию Дигест, имущественные обязательства рабов сохранялись и после отпуска их на свободу. Иными словами, деликт, совершенный рабом, порождал право иска уже не против хозяина раба, а против самого раба в случае получения им свободы¹²⁴.

Итак, мы видим, что в VI в. в Византии все сильнее пробивает себе дорогу новая тенденция социально-экономического развития — использование труда рабов для ведения мелкого хозяйства как в деревне, так и в городе. Новая форма приводила к усилению заинтересованности рабов в труде и к некоторой интенсификации хозяйства. Более широкое применение передачи рабам пекулий способствовало большей устойчивости хозяйственной деятельности раба. Особенно это сказывалось в городском ремесле, где весь пекулий раба (мастерская, инвентарь, сырье, товар, деньги) находился в обороте и произвольное отнятие его у раба затрагивало интересы свободных, ведущих дела с рабом. В сельском же хозяйстве участок раба — его пекулий — не находился в обороте, он не мог быть продан и раб был более ограничен в распоряжении им, чем ремесленной мастерской в городе.

Однако самый статус раба, его бесправное юридическое положение придавали производственной деятельности раба и в городе ограниченный характер, что, конечно, задерживало развитие производительных сил и рост товарного производства. Все, кто имел дела с рабом, всегда принимали во внимание его рабское, подчиненное состояние, что крайне затрудняло ведение рабом дел в крупных масштабах.

Вместе с тем все сказанное свидетельствует, что экономическое положение рабов в период разложения рабовладельческих и начала становления феодальных отношений существенно изменялось в сторону увеличения их хозяйственной самостоятельности и интенсификации их труда.

¹²¹ Ulpian. Fr. tit. 23, § 16.

¹²² Gajus. Institutiones, ed. E. Seckel—B. Kübler. Leipzig, 1939, II, 187.

¹²³ CJ, VI, 27.5.

¹²⁴ Dig., XL, 4.7.14.